

ну, о чем в тот же день по телеграфу уведомил Наркоминдел СССР. Провожала его вся советская колония. «Я покидал Софию,— писал позже Раскольников,— в полной уверенности, что вернусь туда вручить отзывные грамоты и сделать прощальные визиты»¹⁹.

5 апреля, находясь в пути, на вокзале в Берлине Ф. Ф. Раскольников узнает, что его освободили от обязанностей полпреда СССР в Болгарии. Не нужно было быть дипломатом, чтобы догадаться, какой конец его ждал в Москве, и он решает остаться за границей. «Мне стало ясно,— писал Раскольников,— что я, как многие старые большевики, оказался без вины виноватым».

Более трех лет Федор Федорович Раскольников жил и работал в Болгарии, с честью и достоинством защищая интересы своего Отечества. Он многое сделал, чтобы отношения между Болгарией и Советским Союзом приняли стабильный характер, строились на принципах мирного сосуществования, в духе дружбы и сотрудничества.

¹ См.: Мельцер Д. Б. Советско-болгарские отношения. 1917—1935. Мн., 1975. С. 163—164.

² La Bulgari. 1934. 28. juillet.

³ АВП СССР. Ф. 74, оп. 14, д. 5, п. 3, л. 2.

⁴ Комбана. 1935. 31 януари.

⁵ Заря. 1934. 20 ноември.

⁶ См.: Заря. 1934. 30 ноември; Утро. 1934. 30 ноември.

⁷ См.: Заря. 1935. 28 марта.

⁸ ЦДИА. Ф. 176, оп. 11, а. е. 1301, л. 86—115.

⁹ Советско-болгарские отношения и связи: Документы и материалы. М., 1976. Т. 1. Док. № 426. С. 396.

¹⁰ См.: Утро. 1935. 22 юни.

¹¹ ЦГАОР СССР. Ф. 5283, оп. 6, д. 826, л. 127.

¹² Там же. Оп. 1, д. 46, л. 34.

¹³ Там же. Оп. 10, д. 904, л. 35, 54, 72.

¹⁴ Там же. Оп. 6, д. 828, л. 56; ЦДИА. Ф. 370, оп. 1, а. е. 481, л. 6.

¹⁵ См.: Слово. 1936. 2 март; Утро. 1936. 3 март.

¹⁶ Каннвез М. В. Моят живот с Раскольников // АБВ. 1990. 16 януари.

¹⁷ Раскольников Ф. Ф. Как меня сделали «врагом народа» // Открывая новые страницы. Международные вопросы: события и люди. М., 1989. С. 321.

¹⁸ Огонек. 1966. № 8. С. 24.

¹⁹ Раскольников Ф. Ф. Указ. соч. С. 322.

К. А. ПЯТРОЎ

СЯРЭДНЕВЯКОВАЯ ЗАХОДНЕЕЎРАПЕЙСКАЯ ВАЙНА Ў АБЛІЧЧЫ СВАТОЧНАГА ДЗЕЙСТВА

Вайна і свята, вайна ў абліччы свята... Гучыць на першы погляд парадкальна, але сама наяўнасць парадокса ўжо можа абяцаць нешта.

У артыкуле аналізуюцца крыніцы, якія даюць два часавыя зрэзы адной культуры: «Заваяванне Канстанцінопаля» Рабэра дэ Клары (XIII ст.) і «Мемуары» Філіпа дэ Каміна (XV ст.). У якасці зыходнай вылучаецца наступная гіпотэза: вайна заўсёды стрэс, але ён часткова здымаецца пераварочваннем мінус-феномена (вайна-гора) на плюс-феномен (свята-радасць), што забяспечвае больш паспяховае функцыяніраванне homo sapiens (чалавека, які змагаецца).

Ніжэй прыводзяцца канкрэтныя вынікі назірання, даецца іх тлумачэнне ў святле прапанаванай гіпотэзы, надмацаванай канцэпцыяй М. М. Бахціна аб народна-пляшчаднай карнавальнай святочнай культуры.

Вось як Рабэр дэ Клары апісвае відовішча выхаду эскадры крыжаносцаў з Венецыі: «Галера, на которой плыл он сам (дож Венецыи — П. К.), вся была алой, и над ним был раскинут алый парчовый балдахин, впереди были четыре серебряные трубы, в которые трубили, и кимвалы, которые гремели по-праздничному... А потом пилигримы (крыжаносцы — П. К.) потребовали, чтобы на корабельные башни поднялись все священники и клирики, которые пели *Veni creator spiritus*... Это было со времени сотворения мира самое великопечное зрелище, ибо там было наверняка 100 пар труб, серебряных и медных, которые все трубили при отплытии, и столько барабанов, и кимвал, и других инструментов, что это было настоящее чудо. Когда они вышли в открытое море, натянули паруса и подняли свои знамёна и флажки на башни нефов, то казалось, что всё море заполнилось кораблями, кото-

рые они направили сюда, и словно пламенело от великой радости, которую они чувствовали»¹. А вось рыцары падышли да Канстанцінопалю: «...Когда все суда и вся флотилия собрались вместе, то они выстроили свои корабли и украсили их столь прекрасно, что это было самое великолепное зрелище на свете»². «Потом они выстроили свои боевые отряды и свои нефы, свои юиссы и галеры, и рыцари со своими конями вошли в юиссы, и они пустились в путь; и они повелили трубить почти в сто пар бронзовых и медных труб и бить в барабаны и кимвалы, которых было ещё больше»³.

Прыкметы святочнасці можна знайсці не толькі ў музыцы труб, іх колькасці, характэве, у іншых музычных інструментах і ўпрыгожаннях караблёў. «...Жители города... говорили друг другу, что наши, будто походят на ангелов, настолько они были прекрасны; ведь они были так прекрасно вооружены и их кони покрыты столь прекрасными попонами»⁴. Некалькі раней сказана: «...И не было коня, который не был бы покрыт боевой попоной и шёлковым покрывалом, не говоря обо всем прочем»⁵.

Прыкметны адрэз момант апісання аблогі Канстанцінопаля, які нібы ілюструе сувязь паміж святам і карнавалам: «А потом взяли всех, которые стерегли коней, и всех поваров, которые могли носить оружие; и вот всех их облачили в попоны, покрыли седельными ковриками, дали им в руки медные котелки, деревянные молотки и пестики, так что они имели столь безобразный и ужасающий вид, что пеший меньшей люд императора, который стоял по сю сторону стен, был объят сильным страхом и пришел в ужас, когда увидел их»⁶.

Сляды арганізацыі вайны па законах свята выяўляюцца і ў XV ст. Расказваючы аб змаганні пры Манлеры 27 ліпеня 1465 г., Філіп дэ Камін адзначае: «У короля были вольные лучники, все в красивом обмундировании с золотым шитьем»⁷. А вось што паведамляецца аб берыйцах і брэтонцах: «В их армии было 800 знатных кавалеристов, очень красиво одетых...»⁸ У апавяданні аб пазнейшых падзеях тое ж самае гаворыцца пра англічан і іх армію: «Она насчитывала 1500 кавалеристов на хороших лошадях, по большей части в латах и богатых одеждах по нашей моде...»⁹ Не менш раскошнымі былі і італьянскія рыцары, выступаўшыя на вайну «все в доспехах, с плюмажами, длинными копьями»¹⁰. Наогул, бітвы апісваюцца як вельмі эстэтычнае відовішча. «Итальянцы двигались тихим шагом и тесно сомкнутыми рядами, что представляло собой удивительно красивое зрелище»¹¹. І гэта уражанне чалавека, які праз некалькі мінут можа страціць жыццё! Коп'і італьянцаў хаця і не шмат каштавалі, з пункту гледжання французаў, але яны былі «зато красиво украшенными»¹².

Няма патрэбы далей множыць цытаты з крыніц, надышоў час іх тлумачэння. Дык вось, **вайна** і **свята**. Тое і іншае ёсць выхад са штодзённасці да той пары, пакуль іх працягласць не ператварэ іх (як гэта ні жорстка гучыць - ў выпадку вайны) ў штодзённасць, інакш ў сваю супрацьлегласць, калі ўсе пачуцці людзей прытупляюцца. Пераход ад міру да вайны, ад штодзённасці да не-штодзённасці ёсць крызіс. Але, па М. М. Бахціну, і «празднества на всех этапах своего исторического развития были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека. Моменты смерти и возрождения, смены и обновления всегда были ведущими в праздничном мироощущении. Именно эти моменты — в конкретных формах определенных праздников — и создавали специфическую праздничность праздника»¹³.

Святочная свядомасць амбівалентна. Спакон якоў свет успрымаўся дваіста — сур'ёзна і несур'ёзна. Людзі жылі адначасова як бы ў двух светах, прычым, па сцвярджэнню М. М. Бахціна, без уліку гэтай двухсветнасці «ни культурное сознание средневековья, ни культура Возрождения не могут быть правильно понятыми»¹⁴. Адпаведна і свята адначасова паўстае і як сур'ёзная ўрачыстасць і як народны карнавал. «...В карнавале сама жизнь играет, а игра на время становится самой жизнью»¹⁵. Игра, па меркаванню М. М. Бахціна, была ўнутрана, па сутнасці звязана з народна-плашчадным бокам свята. Ён гаворыць таксама аб карнавальным успрыманні гістарычнага працэсу як ігры, наогул аб універсальнасці вобразаў ігры, аб успрыманні праз іх прызму часу, лёсу, дзяржаўнай улады, аб светасузіральным значэнні ігры.

Игра стварае, па выказванню М. М. Бахціна, «веселое время», яна здымае страх, паколькі «страх — это крайнее выражение односторонней и глупой серьезности, побеждаемой смехом». У ігры нават такія, здаецца, страшэнныя рэчы, як пекла, эрцы, выглядаюць не больш чым «смешными страшилищами».

Ігравы пачатак жыцця ўвасабляецца ў масках, матывы якіх з'яўляюцца вельмі важнымі ў народнай культуры. Як тут не прыгадаць пераапанутых каля сцен Канстанцінопаля! Магчыма яны не столькі палохалі, колькі здымалі страх у сваіх? Ігра, смех перамагаюць страх і нават (у свядомасці) смерць. Вобраз смерці амбівалентны. Смерць — гэта адначасова і адраджэнне. Вобраз смерці ў сярэдневяковым і рэнесансным карнавальным светаўспрыманні заўжды нясе ў сабе элемент смешнага.

Дык вось, прасочаны ланцужок, які вядзе ад крызісу праз свята, якое ў сувязі з двусветнасцю з'яўляецца то сур'ёзным, то вясёлым і смешным, да ігры і перамогі над страхам смерці. Але паколькі ад крызісу вядзе і ланцужок: вайна — сур'ёзнасць — гора — смерць, то, дзякуй зноў жа двусветнасці, агульнасці сур'ёзнага ў обоіх ланцужках і наадваротнасці логікі карнавальнай мовы, магчыма перайсці ад гэтага апошняга ланцужка да першага.

Менавіта такім чынам вайна выступае ў абліччы свята, і, у рэшце рэшт, у сярэднія вякі *homo rugans* быў сваяком *homo ludens* (чалавека, які грае) Й. Хейзінгі.

¹ Робер де Клари. Завоевание Константинополя / Пер. со ст.-фр. М., 1986. Глава XIII.

² Там жа. Гл. XL.

³ Там жа. Гл. XLI.

⁴ Там жа. Гл. XLVII.

⁵ Там жа.

⁶ Там жа. Гл. XLV.

⁷ Филипп де Коммин. Мемуары / Пер. со ст.-фр. М., 1986. Кн. 1. Гл. III.

⁸ Там жа. Гл. V.

⁹ Там жа. Кн. 4. Гл. V.

¹⁰ Там жа. Кн. 8. Гл. X.

¹¹ Там жа. Гл. XI.

¹² Там жа. Гл. XII.

¹³ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 14.

¹⁴ Там жа. С. 10.

¹⁵ Там жа. С. 13.